Туда без обратно

Автор:
Эльчин Сафарли

Туда без обратно

Эльчин Сафарли

Это шокирующий роман, отражающий правдивую сторону жизни на Востоке. Книга, основанная на реальной жизни русской проститутки в Стамбуле, повествует первым долгом о женщинах, а потом о любви, одиночестве, вере, предательстве.

Эльчин Сафарли отходит от теплого мелодраматического стиля, представляя на суд читателя жестко-эмоциональную правду жизни. Откровенный текст без притворств, «розовых очков», сладостных иллюзий.

Эльчин Сафарли

Туда без обратно

ТЕБЕ посвящаю

«До тех пор, пока человек

зависит от мнения других

и от событий внешнего мира, он крайне

уязвим и непременно несчастлив».

Андре Моруа

«…Лишь пожив внизу,

узнаешь, как опасно карабкаться

наверх. Лишь побыв в темноте,

узнаешь, как ярок солнечный

свет…»

Хун Цзычен

1

…Все мужчины слились в один образ. Туманный, густой. Смугловатый. Не различаю их по лицам, улыбкам, движениям. По размеру члена или таймингу эякуляции. Мужчины для меня – одна-единственная маска. Ее по очереди надевают десятки разных персон. Меняются запахи тела. А в остальном – недолгий процесс в режиме repeat. Я перестала чувствовать. Мой оргазм стал жутко эгоистичным. Одиночкой. Не посещает в присутствии постороннего, только наедине с собой… Не чувствую влагалища, когда работаю с очередным клиентом. Будто эту часть тела парализует, стоит расставить ноги. Это удивляет, но не беспокоит. Я научилась жить без чувств. В пустом доме без теплоты, уюта. Одна паутина прошлого… и бесконечный поток гостей. Приходят, уходят. Никто не задерживается, многие даже не здороваются. Нападают с жадностью – раздеться не успеваю. Поэтому редко одеваюсь дома. Да и кого беспокоит, что на мне? Их интересует то, что под одеждой. Лучше раздеться заранее. Аккуратно сложить вещи в стопочку. Пригладить руками, смахнуть соринки. Сохранить в целости. Никто не оторвет пуговицы. Никто не помнет. Жаль, что совесть, как одежду, невозможно разгладить…

…Я проститутка. Шлюха. Блядь. Называйте, как хотите. Все равно не услышу. Люди в действительности чаще осуждают про себя, а про себя, значит, не

считается. Своего рода самоуспокоение… Сама называю себя проституткой. К чему тешиться «бабочками», «мотыльками» и прочими образными названиями? Я – проститутка. Мужчины – клиенты. Секс – работа. Банально и заурядно. Зачем искать философию там, где ее нет?.. В этом году сменила «ранг»: теперь я элитная проститутка. Если проститутка переезжает с улицы в дом, автоматически удостаивается другого статуса. Теперь клиенты сами находят. Теперь не заглядываешь в подъехавшую машину с натянутой улыбкой и единственным вопросом в голове: «Пронесет или не пронесет?» Если после выезда возвращаешься живой, значит, пронесло. Если после выезда задерживаешься навсегда, значит, день не удался. Если после выезда возвращаешься живой, да еще с достойным количеством лир под стелькой туфли, значит, сегодня Аллах в хорошем настроении. Кстати, выручку прячем исключительно «под ногами». Так надежнее. В кино красавицы запихивают «денежный тампакс» меж грудей. Жизнь заставила применять иные меры конспирации…

…Я живу и работаю в Турции. В городе контрастов Стамбуле. Русская проститутка на Востоке – это как белый медведь в Африке: все приходят на тебя поглазеть. Как это холодолюбивый медведь оказался в жаркой стране? Воспринимают с интересом. Пытаются пощупать загорелыми руками. Очередная игрушка… Русская проститутка в Стамбуле давно не экзотика. Даже в Африке к белым медведям привыкли бы рано или поздно. Женщины славянской внешности на ночных улицах Константинополя уже не диковинка: к красоте привыкают быстро. Ас привыканием снижается цена на красоту. Настоящая биржа женских тел…

…Я давно не «особенная». Я – одна из. К сожалению. Соотечественниц в Стамбуле – пруд пруди. Многие приехали сюда из провинциальной России. С наивными расчетами. С надеждами. С мечтами о шикарном гареме, где роскошные женщины танцуют ориенталь для красавца-султана. Многие, как и я, впоследствии разучились мечтать. Тем, кому удалось выжить, крупно повезло. Мне удалось. Потеряла многое, но сохранила душу…

…Есть такое понятие – «восточная мечта». Она действительно существует для многих русских девушек. Есть те, кто ее постиг. Восточная мечта – многогранный драгоценный камень. Если повезет, одна из граней заветного алмаза ослепит чарующим блеском. Если не повезет, заветный алмаз так и останется заветным. На расстоянии вытянутой руки. За витриной с подключенной сигнализацией…

…Я не умею мечтать. Живу настоящим. Прошлое с будущим окутано дымкой неизвестности. Для меня не существует «было» и «будет». Для меня существует «здесь» и «сейчас». Живу одним днем. Что будет дальше, покажет время. Не верю гадалкам, потому что не верю в будущее…

2

…Я брезгую спермой: ее едкий запах преследует повсюду. Пропитал матрас, постельное белье, обивку мебели. Принюхиваюсь к себе. Боюсь, что запах проник в поры кожи. Перестала покупать фруктовые гели для душа – моюсь антибактериальным жидким мылом. Без отдушки. Мне нужно чувствовать, чем пахнет моя кожа.

Иначе лишусь рассудка. Купила раскладную кровать. Установила на кухне. Теперь сплю там. Кажется, что с наступлением ночи в моей спальне обостряется запах спермы. Лишает сна. Сбежала оттуда… Еще я отказалась от молочных продуктов. Все напоминает об одном. Не доверяю прачечным. Стираю белье в своем автомате. Обязательно добавляю средство с содержанием хлора. Схожу с ума?..

…Если проститутка уверяет, что не подпускает к себе клиентов без презервативов, она лжет. Для мужчин презервативы – как для женщин лишние волосы на теле. Избавляешься от них и понимаешь, что это только отсрочка. Постоянная надоедливая проблема. Проституткам сложнее. Большинство клиентов при виде «резинки» недовольно морщатся. Дышать на свежем воздухе в скафандре? Нет, милочка, я не за это плачу. Спешат быстрее войти в тебя. Без прелюдий, заводящих фраз, привычных похлопываний по попе. В это мгновение не думают, что проститутка может быть заражена. Мысли о риске испаряются по мере набухания члена. С восточными мужчинами вдвойне сложнее. Многие из них считают обрезание лучшим предохранением от венерической гадости. К тому же восточным мужчинам трудно контролировать себя. Обрезание дает особую степень чувствительности. На пути к наслаждению турки игнорируют препятствия и здравый смысл, забывают обо всем. В частности о презервативе… От гормональных препаратов у меня испортилась кожа. Рискую внешностью. Жизнью рискую. Не думаю о СПИДе. Спать с клиентом с мыслями о СПИДе – все равно что есть с аппетитом просроченный йогурт…

…Турки безупречны в сексе. У них это в генах. Отличаются от русских мужчин. Не хуже ни те, ни другие. Совершенно разные. Коллега Алинка как-то заметила: «Если трахнулась с турком и осталась без оргазма, ищи проблему в себе». В сексе с турком не надо думать, как себя вести, какую позу принять. За тебя все решат. В сексе с турком чувствуешь себя настоящей богиней. Так искренне, как турки, не стонет ни один мужчина другой нации… Есть и неприятное: турки изнуряют. Готовы кончать бесконечно. Ненасытны. Отовариваются на заплаченную сумму сполна, игнорируя время договора. Тут важно вовремя сомкнуть ноги. Решительно сказать: «Git basimdan»[1 - Отвяжись (тур.). (Здесь и далее примеч. авт.)]. Одна скотина пыталась удушить меня, когда я остановила его. Он пихал мне в рот своей неугомонный член, сдавливая руками шею. Полоснула лезвием по бедру. Отстал. Всегда прячу лезвие в кармашке на краю матраса. Иначе невозможно…

…«Крышует» меня сутенер. Работает с двумя русскими девушками в нашем квартале. Одна я, другая менее востребованная. Аня, 25 лет, приехала в Стамбул из Пятигорска. У нее расширение вагины, дряблая кожа. Она рожала, я – нет. Она не отказывается от анального секса, я – против. Аню конкуренткой не считаю. Если проститутка рожала, ее товарный вид блекнет. Ничего не поможет… Джемаль ни разу не притронулся ко мне. У него есть семья в Измире: красивая жена-турчанка, двое дочерей. Покрытые. Совершают намаз. У него на шее двое безгрешных дочерей и двое грешных проституток. Забавно. Дочерей надо поставить на ноги. Проституток – удержать на ногах. Плюс выручить с этого деньги. Джемаль – седовласый мужик с черной родинкой на переносице. Носит вычурные перстни, отращивает ноготь на правом мизинце. Не пьет спиртное. Целыми днями отслеживает по телевизору криминальные новости. Всегда в костюме – элегантный сутенер вызывает доверие. Он администратор двух дешевых отелей в Стамбуле, где останавливаются челноки, бедные студенты. Но отели – это только прикрытие для настоящего бизнеса. Мне Джемаль выделил комнату на последнем этаже. Из окна виден Босфор – единственное существо мужского рода, которое не хочет завалить меня. Дружим… Когда в отель наведывается полиция, прячусь на чердаке. Я нелегалка: есть чего бояться. Смотрю в небо. Пытаюсь разглядеть Аллаха. Как увижу, выклянчу себе классного мужа-импотента. Или хотя бы колье «Шопар»…

…Я неплохо зарабатываю: на рынке стамбульских проституток лидирую по месячному доходу. С Джемалем договор: 50 на 50. Раньше он отдавал мне 30 %, но сменился мой ранг, сменилась и система дележки. Сейчас я плачу покровителю часть от общей суммы. Он решает проблемы с полицией, обеспечивает клиентами, жильем – остальным занимаюсь сама. Раньше было

сложно. Теперь все схвачено. Есть врач, к которому по мере необходимости хожу на осмотр. Есть знакомые в нужных магазинах, которые дадут продукты, вещи в рассрочку. За 6 лет в Стамбуле научилась выживать. Все это время у меня нет друзей. Только Босфор и этот дневник. Я не жалуюсь… Привыкла. Все приносят жертвы во имя чего-либо. Без жертв нет жизни…

3

…Мужчина-клиент и мужчина-развлечение. Для меня существует два вида эркеков[2 - Мужчин (тур.).]. На мужчину, купившего меня, смотрю по-особому. Как на человека, которому сейчас подчиняюсь. Меня не волнуют его внешность, культура, манеры. Пахнет ли от него потом? Засаленные ли у него лобковые волосы? Не важно. Лежу под ним, как мумия. Ничего не говорю, не вижу, не испытываю. Отключаюсь. Вслушиваюсь в стоны, рассматриваю потолок. На нем оживают картинки из детства. Вижу себя маленькой у бабушки в Марфино. Моя Ася готовит клюквенный пирог, а я прикладываю красные ягодки к мочкам ушей. Кокетливо заглядываю в зеркало, примеряя новые сережки. Когда рассматриваю живой фотоальбом прошлого, время пролетает незаметно. С тебя уже сползло вспотевшее тело, толчки прекратились, совсем скоро послышится привычный шелест купюр. Раньше жадно считала лиры, взволнованно переводила в рубли, потом – в доллары. Сейчас не так. Бросаю деньги в ящик тумбочки, быстро бегу в душ. Предварительно, провожаю клиента с ублаженной миной. Целую в щечку со словами: «Muhtesem oldu»[3 - Потрясающе было (тур.).]. В Турции отличный сервис во всех областях. Проституция не исключение…

Мужчины мне не разонравились: время от времени позволяю их себе как развлечение. В этой категории я выбираю сама.

На улице, в кафешках, клубах. Благо в Стамбуле исключительный выбор самцов. Стоит переглянуться, улыбнуться, разговориться – и прекрасный вечер с отменным сексом обеспечен. Мужчины для меня – это мужчины, выбранные мною. Со смуглой кожей, волосатой грудью, крепкими ягодицами, чувственными губами. С ними я – женщина. Умеющая чувствовать, любить. Без фальшивых стонов и грязных денег…

…Полицейские каждого района Стамбула в курсе, сколько проституток работают на их территории. С нами polisler[4 - Полицейские (тур.).] входят в контакт раз в месяц. Все настоящие вопросы решают сутенеры: каждого из них полисмены знают в лицо. Каждого знают как и где найти. Ежемесячно сутенер отстегивает процент от общего дохода. R?svet[5 - Взятка (тур.). Рекламный]. Что касается периодических облав, то эти рейды мы с девочками прозвали «tanitma turu»[6 - тур (тур.).] – просто пускают пыль в глаза правительству… Многие начальники полицейских отделений нас хорошо знают. Эти патроны раз в месяц навещают избранных девочек. Эту ночь мы зовем «zalim aksam»[7 - Мучительный вечер (тур.).]. «Если проститутка выдерживает пять zalim aksam'ов, значит, ее имя пора заносить в Красную книгу проституции». Так шутим между собой. Действительно, редко приходится спать с человечным полисменом. Чаще это обнаглевшие твари. Пользуясь своим статусом, они заставляют девочек терпеть то, что не вытерпит ни одна женщина. Вводят дуло пистолета во влагалище, бьют во время секса, засовывают члены глубоко в горло. Если не сдержишься, вырвет, это карцер. В лучшем случае. Если от тебя полицейский не требует ничего, кроме траха в миссионерской позе и легкого минета, считай, родилась под счастливой звездой. Честно? Мне везет. Но я не говорю об этом девочкам. Все должны страдать в одинаковой мере… В один из первых zalim aksam'ов одна скотина с погонами принудила меня к анальному сексу. Повредил кишку. Помню, как истекала кровью, молила Аллаха о помощи в ожидании «проверенного» врача. А Алька, обнимая меня, шептала в ухо: «Девочка моя, все прошло. Ты выстояла». Мы обе плакали. Две русские рабыни восточного царства, которым чуточку не повезло…

…Скучаю по Москве. Часто снится наш двор, продуктовый магазин через дорогу, где продавщицей работала грузинка тетя Манана. Резкая на язык, добрая в душе. Всегда клала мне в ладонь ириску – угощала от души. До сих пор помню душистый запах любимой конфеты… Нет обратной дороги. В Москве никто не ждет. Отец, с которым вечно не ладила, после смерти мамы женился на какой-то твари и выжил из дома. Бабушки давно нет. Брат Женя, продав ее подмосковный дом, вычеркнул меня из своей жизни. Четыре года назад от отчаянья хотела вернуться. Позвонила Женьке. Он, услышав мой голос, обматерил. Повесил трубку. «У меня нет сестры, которая сосет хуй у черножопых». Разбила зеркало собственного прошлого. Его нет. Больше не буду об этом говорить… Мы сплелись со Стамбулом в одно целое. Здесь перестала чувствовать себя чужой. Мне нравится климат Стамбула, восхищает дружелюбие Босфора. В Стамбуле легко затеряться. Чтобы никто тебя не видел. Чтобы ты никого не видела.

…Потихоньку учусь готовить. Сколько можно питаться полуфабрикатами? Сейчас, кроме яичницы, смогу сварганить имамбайылды[8 - Турецкое блюдо из баклажанов.]… Задаюсь вопросом что такое счастье? Ну, счастье для нас, проституток, это молчаливый клиент, оставивший хорошие чаевые. Это член нормальной длины, после которого не будет болеть между ног. Это удачно прошедший zalim aksam. Но уверена, что для кого-то счастье – это другое. Я хочу почувствовать другое счастье. Возможно ли?

4

…Проституция научила меня не осуждать. Уже не смотрю на окружающих оценивающе. Молча наблюдаю. Чаще восхищаюсь. Иногда – злюсь. Но все мысли держу в себе; без надобности высказывать.

Если и злюсь, то воздерживаюсь от обвинения. Раньше думала: «Кретин! И как земля таких на себе носит…» Теперь думаю: «Кретин! Однако без таких скучно…» Потихоньку учусь сдерживать ураган внутренних эмоций. Сложно дается. При моей-то работе. Вот пример: вчера принимала клиента. Темнокожий курд с губами, надутыми силиконом. Назвался Селимом. Худощавое тело, пирсинг в пупке, идеально выбритый лобок. Заплатил 300 долларов. Отлично. Признался, что до вчерашнего дня был геем-пассивом. «Решил переключиться на женщин. Хочу стать гетеросексуалом. Сейчас дефицит гетеросексуалов…» Стало смешно, я с трудом сдержалась. Переспросила, уверен ли он? «На все сто». О кей. Я-то ничего не теряю. С геями-пассивами интересно. Спишь с женщиной в мужском обличии. Договорились. Пошли ко мне. Селим от природы жутко манерный. Сдерживаться с каждой минутой становилось сложнее. Сделав голос грубее, Селим принялся рвать на мне одежду, по-бычьи расширив ноздри. Легла. Спустил трусы-стринги. Бросился сверху, тыкая в рот своим спящим членом. Наша прелюдия напоминала игру студенческого театра. Я впала в азарт. Решила подыгрывать… Обхватив руками миниатюрное тело Селима, принялась рычать, визжать, пряча смех в громких стонах. Мой нежный партнер безуспешно пытался войти в меня. Снова и снова. Эрекция отказывалась посещать Селима. Его это явно не смущало. Парень бешено дергался на мне. Пыхтел, называл seksi bombam[9 - Секс-бомбой (тур.).], грозясь «взорвать» меня. Со временем накал страстей начал утихать. Пора брать инициативу в руки. Уложила на живот под предлогом эротического массажа. Легкими движениями пальцев принялась массировать анальное отверстие «мужественного» клиента, которое через

минуту «расцвело» на глазах. Селим возбудился. Сам не понимая, как и для чего. Процесс закончился тем, что переквалифицировавшийся гей кончил на простынь, не успев даже перелечь на спину… Все происходящее было репетицией по сравнению с последующим развитием событий. Покидая меня, Селим смачно поцеловал в губы, прошептав: «Наконец-то ты познала всю мощь настоящего мачо. Обязательно вернусь…» Смутилась, кивнув головой. Собрав челку за ухо, Селим исчез в дверях, распространяя цветочный аромат «Ноа»… Проститутки мужчинам дарят веру. Проститутки могут помочь отыскать волшебство в реальности. Гею Селиму это удалось. Его хотелось осудить, но сдержалась. Интересно, это я меняюсь или три сотни меня изменили?..

* * *

Канат

Высокий, широкоплечий, носит костюмы серых оттенков. Легкая щетина. Отлично выглаженные брюки. Угрюмый вид, но светящиеся доверчивостью глаза. Темные волосы с ранней сединой. Тело, потерявшее упругость, но безумно сексуальное. Он большой, под ним хочется затеряться. Канату 26 лет. Турок из религиозной семьи. Мама с детства приучила к намазу, отец в 30 лет совершил хадж, сестра покрыта с подросткового возраста. Год назад Канат впервые пришел ко мне. С целью стать мужчиной. Стать мужчиной, пройдя сквозь паутину греха. По исламу спать с падшей женщиной, да еще без брака, – высшая степень греха. Ну, скажите, как удовлетворяться мужчине, если он не женился, предположим, в 20 лет? По мусульманским законам, надо терпеть. Терпеть, занимаясь онанизмом под одеялом, чтобы Аллах не заметил?! Канат окончил медицинский, работает в фармацевтической компании. Последние три года принимал специальные таблетки с содержанием брома. Для ослабления функции простаты. «Чтобы не хотелось». В первые годы зрелости Канат даже боялся подрочить, как это делали большинство одноклассников. Когда видел мужские журналы на прилавках магазинов, быстро опускал голову. Начинал молиться, чтобы отогнать от себя шайтана…

Лишился девственности со мной. Как только переступил порог моей комнаты, обо всем рассказал с детской наивностью. Не стала лезть в душу. Сняла лифчик, приложила трясущуюся руку Каната к груди. Он из-за своей неуклюжести в постели ужасно смущался. Я научила его сексу. Я научила его доставлять удовольствие женщине… После первой эякуляции заплакал. Мы, вспотевшие,

лежали на смятых простынях. Обняла Каната. Он долго не мог успокоиться. Говорил, что стал грешником, пошел против слова Аллаха. Объяснял, что от бромных таблеток у него начались сильные головные боли, бросил их принимать. Уверял, что больше терпеть не мог – одолевала природная тяга к женщине. Однако сам избегал женитьбы: «Не хочу жениться на родственнице. Мама сватает девятнадцатилетнюю дочку двоюродной сестры…» «Милый, Аллах умеет прощать. Слышала, в Коране такое написано. Так вот, думаю, ему не будет сложно прощать тебя хотя бы раз в неделю…» Канат улыбнулся: «Estagfurullah!»[10 - От арабского «Господи, прости!», здесь – «Боже упаси!» (тур.).] Поинтересовался, где ванная комната, встал с кровати. И пошел готовиться к намазу. Я смотрела на этого красавца с ужасно возбуждающим животиком, и мною владели противоречивые чувства. Если помогла Канату лишиться девственности, значит, я в заговоре с дьяволом? Если научила Каната куннилингусу, значит, утопаю в грехе? Пока он мылся, я успела впасть в апатию. Обняла подушку, пропитанную древесным ароматом одеколона фармацевта, и погрузилась в мутное озеро размышлений. Я слышала, как Канат уже читает молитву.

Я чувствовала, как растворяется его теплая сперма во мне. Мысли, как иголки, втыкались в меня, иногда заставляя смеяться. Поняла, что степень грешности определяют люди. Никак не Аллах. В очередной раз убедилась, что религия – это не святые книжицы наставлений, присланные Богом. Религия – это предубеждения людей, горящих желанием постичь некую вершину идеала… Если в меня вселился дьявол, не беда. Правда, хотелось бы, чтобы этот господин Тьма сначала предстал передо мной во всей красе. Если он имеет «Хаммер» и похож на Джорджа Клуни, то с удовольствием сходила бы с ним под венец. Эй, дьявол, ты слышишь?.. Я шучу, а в душе – плачу. Проститутки иначе жить не могут…

5

…Ненавижу понедельники. Понедельник для проститутки – как воскресенье для банковского клерка. Только для нас этот день далеко не долгожданный. В понедельник проститутка осознает масштабность собственного одиночества. В понедельник парики, косметика, лубриканты, гипюровое белье отдыхают. В понедельник проститутки убегают от самих себя… В первый день недели я посвящаю себя Босфору. Не остаюсь наедине с собой. Нельзя – начинаю думать о

жизни. «Мы не должны думать. Если начнем думать, придется повеситься». Золотые слова Эсмы, в прошлом году умершей от СПИДа… Утром в понедельник выключаю мобильный. Вынимаю из него батарейку, закидываю на дно вазы. Конечно, легче просто отключить телефон, убрать куда-нибудь. Я так не могу. Боюсь, что выключенный сотовый, воспользовавшись зарядом батарейки, все равно зазвонит. А на том конце голос очередного клиента…

Облачаюсь во что-нибудь неприметное, надеваю большие темные очки, собираю волосы в хвостик и покидаю отель. Джема-ля предупреждать не надо. Сам отменяет свидания. Он знает, какая я в понедельник. Исчезаю… Убегаю к Босфору от самой себя. Ныряю в море, погружаюсь глубоко-глубоко, скрываюсь там, на дне, вместе с затонувшими кораблями. В понедельник самой себя боюсь. Когда из-за отсутствия клиентов остаешься одна, воспоминания и мечты моментально оживают. Рвутся наружу. И я превращаюсь в депрессивную актрису-трудоголика, которую неожиданно отлучили от театра. Сегодня не нужно играть. Сегодня тобою не будут восхищаться. Сегодня тебя не будут любить. Один день как целая жизнь…

Прихожу к Босфору молчаливая. Сажусь на скамейку у побережья. Укутываюсь в черный жакет из тонкой шерсти. Рассматриваю прохожих. Кормлю чаек. Взглядом добираюсь до горизонта, периодически взлетаю в голубое небо, чтобы успокоиться на пушистых облаках. Не каюсь перед Босфором. Делюсь с ним болью, проснувшейся вместе со мной в понедельник. Он – великолепный друг: выслушивает, не требует ничего взамен. Ему не нужны минет с проглотом, жесткий секс non-stop. Он не бросит на тумбочку скомканные деньги – резко, безразлично… Он другой. С ним и я другая.

Без грима, без нарочитой страсти, вульгарного хриплого смеха за бокалом недорого виски. С Босфором я та самая Александра, которая зачитывалась сказками Линдгрен, коллекционировала разноцветные пуговицы, сдувала пенку с горячего молока…

Я перестала доверять людям. Со дня переезда в Стамбул мой наилучший собеседник – Босфор. Он не осудит. Для него я не «тварь, порочащая всех русских девушек». Ему-то не важно, почему я не прожила жизнь так, как ее должна прожить приличная девушка. С успешным окончанием института, первым поцелуем в парадной, шумной свадебной прогулкой на Воробьевых горах, двумя толстощекими малышами, ежедневной стряпней и монотонным сексом по средам с любимым мужем… Почему?!

Наедине с Босфором мечтаю о настоящей любви, об овчарке с умными глазами, о маленьком загородном домике с деревянной верандой. Мне даже роскошная вилла в Кадыке[11 - Район Стамбула.] не подошла бы… Мечтаю о двух детях, пахнущих присыпкой… В компании Босфора пишу этот Дневник. Размашистым взлетающим почерком. На обложке толстого блокнота рисунок Галатской башни[12 - Один из символов Стамбула, историческая башня в европейской части в районе Галата.]. Босфор рядом – молчит, иногда вздыхает, посылая к берегу ощетиненные волны. Будто шепчет: «Снова поверь в себя». Без пошлых советов, вроде того, чтобы стать «нормальной», зарабатывать деньги «честным трудом». Босфор просит верить. «Родной, я верю, пока иду отсюда домой. А когда вернусь в отель и получу от Джемаля список встреч на завтра, вера сразу испарится. Знаешь, жить моей жизнью и верить сложно. Можно жить ради веры. Но жить с верой удается не каждому». Босфор не согласен. «Просто поверь в веру!»

Появляюсь в отеле за полночь. В комнате Джемаля шумит телевизор. Смотрит футбольный матч. Сутенер болеет за «Фенербахче», я – за «Галатасарай»[13 - «Фенербахче» и «Галатасарай» – ведущие футбольные клубы Турции.]. У нас разные вкусы. Да и статусы разные. Захожу в комнату, зажигаю свет. Все чужое. Никто не встречает. Машинально раздеваюсь, залезаю под душ, потом протираю тело смягчающим лосьоном. Причесать парик. Погладить мини-юбку, зашить порвавшуюся бретельку золотистого корсета. Принять очередную противозачаточную пилюлю. На голодный желудок – есть не хочется. Удалить волосы на лобке. Побрить ноги. Смазать кожу после эпиляции оливковым маслом холодного отжима: нет раздражения, долой «рабочие» синяки. Сделать маникюр с педикюром. Покрасить вишневым лаком с блеском. Уфф. Готова. Вынимаю из коробки новые босоножки на платформе, украшенные бисером. Завтра новый день. Завтра очередной спектакль. А ну-ка мечты и желания – вон отсюда… Я не Александра. Теперь я снова Алекса.

6

…В Стамбуле нас не так много, как кажется. «Активно действующих» осталось около 200. Около 400 пристроились, найдя богатых мужей. Более 100 за решеткой. Свыше пятисот мертвы. Это неточная статистика: на прошлой неделе собирались с девочками в одном из клубов недалеко от Истикляль Джаддеси[14

- Улица Независимости в центре Стамбула.] – запить русской водочкой трагичность бытия. Там и произвели грубые подсчеты. Кто-то проливал слезы над цифрами, кто-то безысходно молчал, кто-то ликовал, что не оказался в числе отошедших в мир иной. «Девки, забыли о стойком иммунитете русских баб?! Хорош лить слезы, прорвемся! Еще устроим сексуальную революцию в этом чертовом Эмирате!» Оглядываю этих женщин разной степени потрепанности. Красива каждая по-своему. Загублена каждая по-своему. Несчастна каждая по-своему. Ия – одна из них…

Самая молодая из нас – 18-летняя Оля из Краснодарского края. Рыжеволосая девчушка с врожденным пороком сердца. Нежные черты лица, большая грудь. Круги под глазами. Сбежала в Турцию из интерната. В Стамбуле – третий месяц. Живет с другом-трансвеститом в клоповнике на западной окраине. Арендную плату платят пополам. Воду в доме дают с 5 до 7 вечера, когда ни Оли, ни ее друга не бывает: приходится мыться в отелях, куда ходят с клиентами… Оля радуется, что завтра утром искупается дома – воду с вечера наберет в ведра друг. Он второй день не выходит на «объекты». У него странные выделения из анального отверстия. На врача пока денег нет. Прошлой ночью температура держалась 39,7. Оля просит: «Алекса, можешь дать номерок твоего врача? Я сегодня ночью обслужу сразу четверых курдов, обещали круто заплатить, так что деньги будут!» Приходится врать: «Веришь, милая, контакты доктора потеряла». Если моего эскулапа поймают на лечении нелегальных эмигрантов, его уволят из клиники. Кому нужны проблемы? Выживает хитрейший…

Каждую неделю собираемся в клубе поболтать. Вычислить, кто из наших в этом месяце находится в какой категории. «Действующая», «пристроившаяся», «попавшаяся» или «умершая»? Как правило, плохие новости настигают быстро. Вот в конце прошлой недели в котловане заброшенной стройки нашли изуродованное тело Настасьи, 27-летнего воробушка из Волгограда. Она больше двух лет оставалась в Стамбуле, верила в светлое будущее, хотела заработать кучу денег, чтобы вернуться к сынишке. Тот ждал маму в детском доме. Не дождался… Нас давно не трогают подобные истории: слезы выплаканы, запасы сострадания иссякли. В Стамбуле мы верим в сегодняшний день. В себя. В Аллаха. Христос здесь авторитета Бога не имеет – он остался там, в другом мире. Куда многие из нас мечтают вернуться. Но не я.

Грустных историй с лихвой, но можно отыскать и парочку радостных. Наша знаменитая Макси из Донецка, вылитая Кейт Мосс, на следующей неделе выходит замуж. Умудрилась заклеить Агопа, турка из Германии. Тот приехал в

Стамбул по делам на три дня и познакомился с Макси в баре «Black Room». «Макси очаровала 40-летнего простака виртуозным минетом с кубиками льда», – девочки так шутят. Агоп предложил ей руку и сердце. Совсем недавно Макси переехала в шикарный отель. А в субботу улетает с мужем в Новую Жизнь. Недавно девочки видели экс-коллегу в торговом центре: прошла мимо, будто не заметила. «Сучка белобрысая! Забыла, как я ей уколы делала, когда она застудила яичники. Ночами не спала… Хотя бы десяток сотен подкинула на прощанье». «Хорош, Свет! Если бы ты была чуточку умней, давно бы себе такого хахаля зацепила. Не завидуй, лучше выпей со мной. Выпьем заааааа любоооооввь…». Любка в своем амплуа: язва с претензией на жизненную мудрость…

На еженедельных междусобойчиках меня охватывает ностальгия. Лупоглазый ди-джей Вадо, сбежавший в Стамбул из Тбилиси, включает для нас русскую попсу. Достал же откуда-то сборник. Ставит «Сердце – магнит». Танцуем до упада, со слезами на глазах. Родина есть Родина… В этом восточном городе нас объединяет наша работа, наши горести, наши ставки за ночь. Нас объединяет место действия. Но все-таки мы ненавидим друг друга. Конкурентки ведь. Наша ненависть питается желанием больше заработать. Проституция – конкурентный мир с элементами шоу-бизнеса. Несмотря на взаимную ненависть, при встрече обязательно нужно поцеловаться в щечки. И лицемерно спросить: «Куда же ты пропала?!»

…Иногда избегаю этих встреч, впадаю в депрессию. Лицемерие угнетает. Хочется послать соотечественниц куда следует и ни с кем не общаться. Не появлюсь разок в клубе, а на следующий день Джемаль сообщает: «Девочки тебя в список „пристроившихся“ внесли!» Это радует. Радует, что на этот раз не оказалась среди «умерших». А что будет на следующей неделе, один Аллах знает…

7

…Мужские спины – моя слабость. Люблю рассматривать их. Считать родинки, нащупывать бугорки позвоночника. Как и скользить ладонью по затылку, нежно проникать пальцами в густые темные волосы. Целовать впадинку на пояснице. Массировать копчик, жадно захватывая рукой мякоть ягодицы… Укладываю на

живот клиентов под предлогом массажа.

Как правило, после основной «процедуры». Ложусь обнаженной рядом. На бок. Выключаю общий свет, только ночник. Завороженно осматриваю спину. Крепкую или мягкую. Сутулую или ровную. Родинки на коже – как звезды на небе. Со значением. Если родинка под правой лопаткой, значит, мужчина верен идеалу семьи, при всей природной влюбчивости. Если родинка на левом плече, ближе к шее, значит, легко возбуждается. Постигает любовь через секс. Если родинка на левом боку, над почкой, этот быстро вскипает. Живет эмоциями, не любит, когда ему перечат… Мой многолетний опыт доказывает правоту этих «знаков». Например, клиенты с родинкой на левом плече великолепны в сексе. Не надо «разжигать» – берут инициативу в свои руки…

Запах кожи на спине возбуждает. Он отличается от общего запаха тела. На спине поры шире, потовые железы ближе. В этом запахе – все чувства. Когда улавливаю аромат гвоздики, понимаю, что в низу живота партнера нарастает новая волна страсти. Отчетливый оттенок яблока – клиент опустошен, желание вытекло из него, продолжения не будет. Сдержанные нотки кардамона в запахе – хочет ласки. Прикасаюсь отвердевшими сосками грудей к поверхности кожи спины. Поры мгновенно разбухают, выпуская наружу кристальный эликсир. Капля пота течет от затылка вниз…

За годы работы я научилась понимать мужчин без слов. Читаю страсть по глазам. Распознаю приближающийся момент эякуляции по капелькам пота над губой. Угадываю желание войти глубже по судороге ягодиц. Коллега Мила предложила написать пособие по «восточному сексу»: «Ты ведь у наш проститутка образованная, много читала… Хотя лучше не нужно! А то турчанки за наш счет станут секс-богинями, в итоге на нас спрос спадет. Лучше храни свои тайны. Вообще до меня не доходит, как ты улавливаешь эти гребаные запахи? Я кроме прыщиков и чрезмерной волосатости на мужских спинах ничего не замечаю». Улыбаюсь в ответ. «Мил, столько лет на Востоке, а еще ничему не научилась?! Научись замечать то, что кажется незаметным». Коллега недоумевает, затягивается сигаретой. Поправляет наклеенные ресницы. «Ой, пошла ты, Алекса… Лучше чаще трахайся, деньги зарабатывай, а не Восток познавай. Востоком сыта не будешь».

Проституткам не важно место пребывания. Проститутки меняют качество на количество…

* * *

…Если бы у меня был муж, бегающий к проституткам, не знаю, как поступила бы. Моя бабушка, смирившаяся с частыми походами дедули «налево», всегда повторяла: «Муж не мыло, не сотрется». Помню, тогда, будучи ребенком, я недоумевала, как можно выйти замуж за кусок пенящегося вещества. Пусть и приятно пахнущий… Ася даже не переживала, что дедушка два раза в неделю являлся домой далеко за полночь. Спокойно отпирала дверь. Целовала в щечку, заботливо спрашивая: «Небось, дорогой, работы много было? Бедненький мой… Вот пельменей накрутила. Накрывать?» Без скандалов, криков, выяснений отношений. Дедушка ни разу не повысил голоса на бабушку…

На Востоке проститутки востребованы не из-за полигамности мужчин: скорее, из-за отсутствия раскрепощенности у местных женщин. Убеждалась в этом неоднократно. Иногда мне попадаются интеллигентные клиенты – приятные турки, неплохо зарабатывающие. Чистоплотные. После секса курим, и я завожу беседу. Спрашиваю: «Ты любишь жену?» – «Да. Очень». Искренность в глазах. В первые пятнадцать минут после секса мужчин тянет на откровенность. «За что?» – «Ну, она красивая, добрая. Вместе учились в школе, начали встречаться. Потом поженились. В конце концов, она мать моих детей». – «Скажи честно, жена тебя устраивает в физическом плане?» – «Да. Хорошо выглядит. Правда, немного располнела после родов. Так даже сексуальнее…» – «Тогда почему ты ходишь к проституткам?» Молчание. Закуривает очередную сигарету. «Тебя могу попросить сделать то, о чем не стану просить жену…» Вспоминаю наш оральный секс, сношение в необычных позах, совместное мастурбирование. Нельзя сказать, что восточные женщины не знают о подобных видах секса. Просто-напросто на Востоке между мужем и женой существует дистанция воздержания. Если восточному мужчине захотелось классного минета, а не обычного секса, он зачастую не осмелится попросить об этом жену. Лучше дождется, пока она заснет, после чего «разрядится» с помощью рук. А на следующий день обязательно снимет проститутку. Конечно, есть и исключения, но их не так много… Восточные мужчины не привыкли сдерживать сексуальные порывы. Если им захотелось, они не станут целыми днями носиться с неосуществленными мечтами в голове. Восточный мужчина на последние деньги купит тело. Да и сделает с ним то, что хочет сделать…

Среди русских проституток Турции популярен анекдот. Проститутка, работающая на Востоке, приходит к врачу на обследование: «На что жалуетесь?» – «На хронические мозоли на языке». 90 % процентов клиентов

обращаются за отменным минетом. Так было и будет. Так, за эти годы я поняла, что с мужьями в семейной жизни надо уметь разговаривать, интересоваться желаниями друг друга. Это касается не только секса. Молчание медленно ведет к краху…

8

…Заполнившая рот кровь на вкус напоминала прокисший томатный сок с мятой. Зудело под кожей. Ужасно хотелось почесаться. Шевельнуться не могла. По телу растекалась лава уничтожающей боли. Ощущение, будто почки сморщились, как комок туалетной бумаги. Из меня вытекала моча. С паникой осознавала, что остановить процесс не могу. Зажмурив глаза, вспоминала о маме. Без слез. Тосковала по ее мягкой ладони на лбу. Тосковала по ее запаху, похожему на аромат цветов абрикоса. Тосковала по голосу, которым она, развешивая белье на балконе, напевала песни Герман… С каждой минутой переставала чувствовать тело, боль, зуд. Физические симптомы растворялись в тумане. Теряла сознание. Откуда-то издалека доносился хриплый голос Джемаля…

Никогда не забуду тот день. 26 октября 2005 года. Моросил дождь. Легкий, романтичный. Настоящий день возможностей. Я вышла днем из отеля купить продуктов в ближайшем «Мигросе»[15 - Сеть магазинов Стамбула.]. Оделась, как всегда в светлое время суток, неприметно. Только покинула отель, как дождь усилился. За зонтом возвращаться бессмысленно; решила сократить путь. Завернула на безлюдный переулок. Преодолев его, через две минуты оказываешься прямо у магазина. Здесь в основном ночные клубы, поэтому днем в переулке безлюдно. Я шла быстрым шагом, в голове составляя список необходимых продуктов. Овощи с зеленью, «пынаровский»[16 - Pinar – турецкая марка молочных продуктов.] сыр, «улькеровских»[17 - ?lker – известная продуктовая марка Турции.] сладостей к кофе, пару бутылок «Эфеса»[18 - Efes – турецкое пиво.], две пачки смешанного «Димеса»[19 - Dimes – марка турецких натуральных соков.]… Вдруг два резких удара по пояснице… От боли перехватило дыхание. Из последних сил оборачиваюсь: двое парнишек 14–15 лет с бейсбольными битами, завернутыми в газету. Рядом покрытая женщина с полными гнева глазами. Знакомое лицо… Ожесточенно бьет по лицу, хватает за волосы, шипит в ухо: «Seni rus kahpesi, seni… Eger benim Oktayimi bir daha yanina ?agirmaya kalkisirsan, seni mahv ederim. Seni takib edecem. Sakin dediklerimi unutma»[20 - «Ах ты, шлюха русская… Еще раз посмеешь позвать к себе моего

Октая, уничтожу тебя. Буду следить за тобой. Не забывай сказанного мною» (тур.).]. Удар по спине. В желудке вспыхнул огонь. Падаю. Снова слышу голос женщины. «?ocuklar, su asagilik kahpeye g?n?n? g?sterin. ?abuk olun. Zaten cehennemde yanacak. Allah onu kahretsin!»[21 - «Мальчики, проучите как следует эту падшую женщину. Поспешите. Все равно ей гореть в аду. Да проклянет ее Аллах!» (тур.)]. Тихо-тихо зову Джемаля. Теряю сознание. «Дождь пришелся кстати. Как же хочется пить…» – последняя мысль.

Три недели пролежала не вставая. Спина в гематомах. За мной ухаживала дочка Джемаля, 14-летняя толстушка Чичек. Пять раз в день во время намаза молила Аллаха «послать здоровье Алексе-абле»[22 - «Сестрица», «тетушка» при обращении (тур.).]. Джемаль вызвал ее из Измира… Он обнаружил меня в переулке все еще в сознании. Через черный ход втащил в отель. Без свидетелей. Джемаль побоялся, что о моем избиении узнают «не свои» полицейские – это был бы конец его «конторе». Вызвал «своего» врача. Тот заверил, что я выкарабкаюсь. Выписал уколы. Установил капельницу. Проверял мочу три дня подряд. Крови нет. Значит, почки не сильно повреждены…

Я пришла в себя на второй день. Открыла глаза. Дышать было сложно. Все вспомнила и рассказала Джемалю. На меня напала жена Октая, одного из постоянных клиентов. Дружелюбный дядечка с пушистыми седыми усами. Щедрый, темпераментный, любитель блондинок. Держит овощные лавки на Египетском базаре, живет с семьей в азиатской части… До этого я видела его жену только на фотографии в портмоне, когда Октай расплачивался со мной. Парни наверняка были сыновьями. Видимо, она узнала, что муж часто бегает ко мне, тратит немало денег. Проследила за ним, вычислила меня. Отомстила…

Большинство турецких женщин недолюбливают русских представительниц слабого пола. Для них русская девушка – угроза семейному очагу. А уж нас, проституток, турчанки яростно ненавидят. Когда вечерами передвигаемся по городу, многие из них посылают нам вслед проклятья. Они считают, что нас можно выжить из Турции только кулаками. Кроме меня еще пара девчонок были зверски избиты. Что удивительно, турчанки непременно сами участвуют в избиении, чтобы мы убедились в их отношении к нам. Пару месяцев назад Светке разодрали лицо две женщины, поймавшие ее при выходе из клуба. А недавно турчанки устроили пикет перед одним из муниципалитетов Стамбула. Требовали «m?sl?man sehrimizi bu rus kahpelerinden temizlenmek»[23 - Очистить наш мусульманский город от русских грешниц (тур.).]. Муниципалитет, правда, ничего не предпринял: Турция метит в ЕС, столь радикальную агрессию им

демонстрировать не выгодно.

Суматоха эта не отражается на потоке клиентов. Мужчины как бегали к нам, так и бегают. Турецкие жены исходят ненавистью, призывая прекратить «воцарившийся разврат»… На днях откровенно поболтала с одной турчанкой, работающей на ресепшене в отеле Джемаля. Она мне заявила: «Наши мужья погуляют с вами, но вернутся все равно к нам. Ведь мы – турчанки, а вы иностранки, пригодные только для развлечения. Наши мужья могут обещать вам золотые горы, но своих жен и детей они не бросят». Молчала. Прокручивала десятки раз в голове слова собеседницы. Она, безусловно, права. Но и я в долгу не осталась, ответила правдиво: «Русские женщины были и будут оставаться лучшими любовницами. Мы дарим вашим мужьям сказку. Ту сказку, которую вы элементарно рассказать не сможет…»

9

…Трачу меньше, чем зарабатываю. Сменила «ранг» – доход увеличился. Проститутке, не подлавливающей клиентуру на улице, платят больше. Сутенер удваивает цену. За готовое место для встречи. За анонимность… Снять проститутку на улице хоть и дешевле, но имеет ряд неудобств. Во-первых, сто процентов засветишься.

Проститутки кантуются в людных местах Стамбула, поэтому, с кем пошла девочка, легко проследить. Мужчинам со статусом это не нужно. Во-вторых, надо еще найти место для секса или как минимум до него доехать, это отнимает оплаченное время… В моем случае все упрощается: в готовом месте клиента дожидается готовая проститутка. Спокойно приходишь, делаешь свое дело. Платишь, так же спокойно уходишь. Правда, и денег выкладываешь больше, чем за уличную девочку…

Работать на дому – мечта любой проститутки Стамбула. Своего рода повышение по службе. Уйти с улиц удается трем из двадцати. Сутенеры «повышают» девочек, приносящих колоссальную прибыль, самых востребованных. Степень востребованности покажут реальные цифры: анализируется ежедневная выручка в течение двух месяцев. У меня бывали такие дни, когда за ночь приносила Джемалю около двух «кусков». Не гнушалась ничем. Соглашалась на

все виды работы. Спала одновременно с четырьмя парнями, не отказывалась от трэш-секса, обслуживала лесбиянок. У меня была цель быстрее стать «домашней». Надоело мерзнуть на морском ветру в короткой юбке, зарабатывая цистит и прочие болячки. Надоело торговаться с капризным клиентом, обещая в качестве праздничного бонуса «аналку». Надоело ждать, искать, верить. Плоха та проститутка, которая не мечтает стать «домашней»… Если одна из нас становится «домашней», то девочки называют ее krali?e[24 - Королевой (тур.).]. Относятся с большим уважением, просят поделиться опытом, выведывают секреты обольщения клиентов.

Одновременно с восхищением возникает зависть. Некоторые пытались завести отношения с Джемалем, чтобы без сложностей «одомашнится». Сутенеры редко спят с «подчиненными». Посмеиваются над «новенькими», пытающимися лечь под них. «Это мы давно проходили… Неужели они не понимают, что доход нам важнее, чем вагины?» – смеется Джемаль, подсчитывая выручку за месяц. Чисто для разового секса сутенеры привыкли обмениваться между собой девочками… Не раз «новенькие», не дождавшись статуса «krali?e» у Джемаля, убегали к другим «агентам». В Стамбуле русские девочки из «джемалевского сада» считаются лучшими. По красоте, сноровке, уму. Конкуренты Джемаля, получив в руки одну из его обиженных девочек, моментально «одомашнивают» ее. В наших кругах говорят, что «проститутки, прошедшие хотя бы недельную „школу“ Джемаля, на вес золота». Сегодня мой сутенер специализируется на русских девушках, редко берет украинок…

Меня не однажды пробовали переманить конкуренты Джемаля. Например, одноглазый Зия, курирующий пять кварталов азиатской части Стамбула. Однажды подловил меня у побережья, сделал деловое предложение. Достаточно заманчивое. Пригласил работать у него по системе 80 %/20 %. То есть от выручки отдаю Зия пятую часть, тогда как с Джемалем делаюсь половиной. Кроме этого, «азиат» предложил жилье получше, выходные по праздникам, ежеквартальную премию в размере 1500 долларов. Отказалась по многим причинам. Привыкла к Джемалю. Все-таки 6 лет вместе – не шутка. Потом, работать в азиатской части рискованно – там публика другого уровня. На европеизированном «западе» чувствуешь себя увереннее. Здесь и русских девочек больше, есть с кем пообщаться.

Кроме этого, у этого Зия гадкая репутация. Десять лет просидел за решеткой, торгует коксом, связан с мафией. А проституция – это настоящий рынок труда. Здесь своя кадровая политика, свои работодатели и не менее масштабный

круговорот денег… От Джемаля уходить не собираюсь. Конечно, сообщаю ему о том, что его «коллеги» звали к себе. Сразу отстегивает премию за лояльность. Мы с Джемалем отлично пользуемся друг другом, никакой дружбы: он зарабатывает на мне, я зарабатываю с его помощью. Бизнес.

…Деньги коплю. Не на кого их тратить, хотя и на себе не экономлю. Складываю заработанное в коробку из-под обуви. Прячу на чердаке. Там надежно, я уверена. А для кого или чего я собираю деньги? Не знаю. Купить что-либо масштабное не смогу, нелегалка. Пока в голове идей – ноль. Время покажет. Я доверяю времени, оно обязательно подведет к главной, решающей черте в жизни. Что будет за этой чертой? Тоже не знаю.

10

Всю ночь перечитывала Дневник. Освободилась от назойливого клиента, лежала в ванне с блокнотом в правой руке. Курила. Страницы отяжелели от сырости, раньше горячая вода теперь уже как теплый компот. Табачный пепел осыпался серыми крупицами на белоснежную пену… Я перечитывала Дневник от начала до конца. Местами удивлялась. Местами отчаянно материлась. Чаще – жалела себя. Волна возбуждения накатила, когда добралась до записи о Канате. Сжимала ногами влагалище, ласкала соски пальцами, закрывала глаза от будоражащего электричества, бегущего по телу… Каждый раз на пятой странице ловила себя на странной мысли: я пишу так, будто меня читают. Досконально разъясняя детали, описывая внешность людей, придавая тексту форму. На мгновение стало жутко. Может, Дневник действительно кто-то читает? И кто-то наверняка осуждает! Но большей части, наверное, все равно…

Я рассматриваю свою руку. Длинные пальцы. Ногти с потрескавшимся сливовым лаком. Пытаюсь понять, как эта рука пишет такое? Такое ощущение, будто руке захотелось всеобщего внимания. Вот она и пишет так бурно. Чтобы тайные читатели сопереживали… А может, это я захотела внимания? Может, это я построила на страницах Дневника мир, на который смотрят из зрительного зала десятки невидимых зрителей?..

Смыла с себя пену. Вытерлась. Шагнула из ванны. Долго смотрела на свое отражение в зеркале. Одинокая проститутка, затерявшаяся в Восточном

царстве, ведет никчемный Дневник с глупыми описаниями, как сопливая девчонка… Резко вскочила, схватила блокнот, чтобы утопить его в мыльной воде, которую пока не спустила. Ну и пусть чернильные записи в нем размоются навсегда! Я так и стояла над ванной с вытянутой рукой, собиралась с духом…

Не смогла. Не хватило смелости. Не захотелось лишать себя мира, управлять которым могу я одна. И читателей, пусть воображаемых. Это мой мир. В его стенах прячусь от собственного одиночества. Именно одиночество заставляет так пространно излагать мысли. Я все еще мечтаю о друзьях, как прыщавая девчонка с кучей комплексов, с тоскою наблюдающая из окна за ребятами во дворе…

В детстве я брала альбом для рисования с красочной обложкой, пачку разноцветных карандашей. Пока мама строчила платье для очередной клиентки, я, расположившись рядом за столом, перекладывала на бумагу свои мечты. Рисовала старинный замок на берегу моря, золотоволосую принцессу в свадебном платье, украшенном белыми жемчугами. Мир без зла, обид, противных математичек… В детстве всегда и обо всем рассказывала маме. О мечтах, радости, грусти. О проблемах в школе. О голубоглазом однокласснике Саше. О любви с первого взгляда. Мама внимательно слушала, иногда ругала, временами наставляла, но всегда слушала. Была моим лучшим другом… А теперь никого нет. В Стамбул я приехала с 500 долларами в кармане, рюкзаком вещей, пустотой внутри. В скромный багаж не поместились мечты прошлого – мечты привыкли прокладывать мост в будущее. А что делать, если будущего нет?..

Дневник заменяет мне чуткую маму. Так же терпеливо выслушивает. Я в свою очередь, как маленькая девочка, откровенно рассказываю всё… Каждый день заканчиваю описывать прожитую страницу жизни и чувствую умиротворение, будто от души выговорилась близкому другу. Уже и грусть не кажется угнетающей, и безысходность – пугающе вечной. Я каждый день переворачиваю одну страницу одной жизни. Вместе с Дневником…

В основном пишу у Босфора, на той самой скамейке у побережья. Время течет незаметно. Пишу и грызу зеленые яблоки. Так увлекаюсь, что уже и Босфор ревностно шумит, посылает на меня крикливых чаек. Привлекает внимание. «Потерпи еще чуток. Вот допишу пару строчек и поболтаем». Послушно кивает, переключается на компашку бездомных кошек. Они развалились на прибрежных камнях, греются на солнышке. Мечтают, должно быть, стать морскими кошками,

чтобы вдоволь наесться свежей рыбешки. Босфор шутливо припугивает кошек, подбирается волной. Те разбегаются, недовольно фыркая. Смешно. «Эй, чудак, давай ко мне! Потрепемся!» Дневник уже в сумке, в нем на одну запись больше…

11

Мама мечтала видеть меня модельером, а я стала проституткой. Боюсь встречаться с ней в сновидениях – как смотреть в глаза… Во мне нет маминых природных талантов. Во мне – сперма десятков мужчин и жалкая душа. Под слоем тонального крема бледная кожа с близко подступающими венами… Всю жизнь мама зарабатывала на хлеб своими золотыми руками. Ее дочь зарабатывает деньги продажей тела. Мама учила меня шить, но сейчас не могу даже вдеть нитку в иголку. Руки трясутся. Наплевать…

С моим вступлением в осознанный возраст мама ежедневно обучала меня шитью: «Сашуль, запоминай… Лучшей профессии для женщины не придумаешь. Главное – уметь шить скоро, не завышая цены. Деньги надо зарабатывать с совестью».

Я с шитьем сдружилась сразу: хорошо получалось. Она смотрела, как я аккуратно строчу подол сарафана, не скрывая восхищения. «Все женщины нашего рода рукодельничали. Талант от одной к другой передавался. Я была уверена, что в тебе он тоже проявится». Я отлично чувствовала ткань. Часами листала «Работницу», редкие привозные номера «Бурды». Изучала типы материалов, выкроек, пока мои сверстницы после школы играли в классики. Как заканчивала с уроками, подсаживалась к маме: наблюдала, как стремительно пронизывает ткань игла, как мама наносит отметины обмылком, разрезает материал грубыми ножницами.

Процесс протекал с такой легкостью, мы и не замечали, как день за окном сменялся ночью…

К маме обращались жены партработников, артисты. Помню молодую Пугачеву. Она приходила на примерки по ночам, чтобы не привлекать внимания. Пока мама закалывала на ней вытачки, я просила тетю Аллу спеть «Арлекино». И

знаменитая певица не отказывала… Жили мы в среднем достатке: денег хватало на еду, одежду, коммунальные услуги. Плюс отец подрабатывал… Но деньги доставались маме с трудом. Так становилось жаль ее, измотанную к вечеру кропотливой работой. Перед сном она просила, чтобы я потоптала ее затекшую спину. Аккуратно переставляя ноги на мягкой спине, я слушала хруст позвонков, продавливала пяткой болевые точки на уставших мышцах. Часто мама засыпала прямо на ковре, не успев предупредить…

В Стамбуле редко вспоминаю детство. Обычно не оглядываюсь назад, не достаю из пыльного шкафа скелеты прошлого. Мой Дневник первый, кому об этом поведала на Востоке. Поведала об утраченных мгновениях истинного счастья. Тогда они казались обычным ходом дней… Скучаю по маме где-то там, глубоко внутри. Не позволяю себе много вспоминать: слишком больно. Слишком стыдно. Я не себя нынешней стыжусь, а того, что не смогла оправдать надежд родного человека. Пути назад нет…

Мама умерла через два дня после моего выпускного бала. От инфаркта. Исполнила последний долг и ушла. Оставила мне воспоминания и роскошное голубое платье, сшитое накануне.

Фасон этого платья придумывался около полугода: мама бегала к подругам портнихам, советовалась по поводу ткани. Искала подходящие аксессуары. «Доченька, выпускной бал случается раз в жизни – все должно быть идеально. Тем более в школе знают, что чья ты дочь, будут обращать внимание на наряд». Трое суток перед балом мама не смыкала глаз. Я засыпала под шум швейной машинки в гостиной, а папа с братом бранились, мол, хорош шуметь, дай поспать. Чтобы никого не беспокоить, мама отключала свет в комнате, сидела с маленькой настольной лампой. Через каждый час выходила на балкон, где подолгу курила. Результат превзошел ожидания. Такого платья, как у меня, наверное, не было ни у кого в Москве. Я была настоящей сказочной принцессой. Тетя Римма с пятого этажа вспомнила элегантную Хепберн в «Римских каникулах»… Мама на выпускной не поехала. Осталась дома – выспаться: «Доченька, ты будешь звездой бала. Я договорилась с дядей Колей, он тебя отвезет и привезет. Чтобы платье не измялось…»

Отчего-то я не помню похорон. Ни себя, ни папу с братом, ни родственников, ни соседей. Только холод, сырую землю под ногами, запах лекарств. Всё… Не буду дальше писать. Да и писать больше нечего. Только одно добавлю: «Мама! Ты не приходи в мои сны, умоляю! Мне стыдно…»

12

Боюсь слова «ненавижу». Оно слишком весомое, разрушительное. «Ненавижу» с легкостью разбивает вдребезги тысячи человеческих сердец. Навечно. Я почти отказалась от этого слова…

И все-таки в моей жизни есть один человек, даже имя которого ненавижу: мой отец. Отец, не папа. В последний раз назвала его «папой» за день до смерти мамы. После – исключительно по имени-отчеству. Я ненавижу отца! Всем моим сердцем, всем телом. Когда вспоминаю его улыбку-ухмылку, начинают дрожать конечности. Чувствую едкий аромат его одеколона, и возникают рвотные позывы. А его фальшивые поцелуи в макушку! Передергивает от злости. Обычно с годами ненависть утихает, а во мне наоборот – с каждым годом она увеличивается в масштабах. От невысказанности?..

Он выжил меня из дому, женился снова на второй месяц после маминой кончины. Но причина даже не в этом: моя ненависть к отцу – результат увиденного, услышанного задолго до отъезда… Как я переживала из-за его поступков, кричала в подушку! Десятки раз писала письмо маме… По дороге в гостиную рвала бумагу, смывала клочки в унитаз. Не хватало смелости, жалела маму, берегла покой уставшей женщины. Любой ценой избежать скандалов, переживаний… И не жалею. Мама так ничего и не узнала – умерла спокойно. Для нее на протяжении многих лет мы с отцом разыгрывали пьесу «Папочка с доченькой». Если бы учредили «Оскар» за кино без кинокамер, приз за «лучшую женскую роль» был бы мой. Отец получил бы за «лучшую мужскую»…

Он изменял маме с собственной сестрой. Трахал Олесю буквально у мамы под боком. Заводил на кухню под предлогом заварить кофе и отдирал прямо на столе, не снимая одежду. Она зажимала отцовский рот ладонью: вдруг похотливые вздохи самца услышит невестка… Этот кошмар повторялся несколько раз в неделю. Олеся приходила к нам, «чтобы помочь замотавшейся золовке». Убрать квартиру, приготовить кулебяку с мясом, прокипятить постельное белье. Мама гордилась мужниной сестрой: «Олесь, без тебя бы окончательно загнулась. Дай бог здоровья! А как твои детки, Сашка в школу пошел?» Пока мама работала над заказом в гостиной, я следила за Олесей. Пряталась в кладовке, подслушивала телефонные разговоры, подсматривала

через щель в кухонной двери. Я видела, как отец рвал на Олесе трусики, входил в нее резко и грубо, как у нее закатывались глаза во время оргазма. Мне происходящее казалось какой-то игрой с неизвестными правилами. Но в этой игре чувствовалась угроза материнскому покою…

Часто спасала отца с тетей. Однажды, пока они курили на балконе, мама решила налить себе чаю и пошла на кухню. Я знала, что минут десять назад там сношались чертовы любовники, и забежала туда первой. Заметила на краю стола лужицы мутной белой жидкости. Если бы мама вошла на полминуты раньше, что она бы подумала? Я вытерла рукавом свитера вязкие капли со стола. Кого я спасала – маму или отца-подонка?.. Может, и нужно было бросить обвинения в ненавистное лицо отца. Или проткнуть ножом сердце Олеси. Но я, маленькая запуганная девочка, молчала, чтобы не навредить матери. Никому не рассказывала, что знала, – даже брату, который вырос копией отца. Да ведь и во мне течет его кровь, к несчастью…

Зачем он спал с сестрой на протяжении стольких лет? Что за чертова привязанность или это болезнь? Неужели не мог завести другую женщину? Внешне Олеся не была привлекательной. Толстая, белокожая, пухлогубая. Маленькие глазки, короткие ножки, нос с горбинкой. Гуляя по Москве, я часто примечала дамочек такой же внешности – машинально «примеряла» их к паршивому родителю, хотелось подойти, попросить телефонный номер. Для отца. Только бы перестал спать с тетей, которую я когда-то очень любила. Олеся готовила восхитительные вареники с курагой, делилась смешными историями, интересовалась отцом. Ладят ли они с мамой? Спят ли в одной комнате? Работает ли мама по ночам? Я, глупышка, уплетая очередной вареник, выкладывала все. Думала, тетя волнуется за семью брата, за мамино здоровье…

…Иногда хочется вернуться в Москву – на пару часов. Пробраться в родной двор, подняться в нашу «двушку», найти отца и поговорить. Вот в присутствии его новой жены! Наверняка же продолжает изменять ей с сестрой. Проорать, что все знала. Проорать, что он скотина. Плюнуть в лицо… да нет, если бы и представилась такая возможность, я все равно на родину не поехала бы. В прошлое возвращаться не хочу. Пусть лучше обиды жгут в настоящем…

Прошел мимо. С какой-то девушкой, невысокой большеглазой брюнеткой. Взглянул на меня мимоходом и не узнал. И я сделала вид, что не узнала. Внешне он почти тот же, хотя и потерял былую форму, отрастил живот. Он, конечно, и подумать не мог, что я в Стамбуле. На расстоянии двух шагов от него. Он-то думал, сестричка в Дубае… Прошел мимо, вытирая бело-синим платком пот со лба. Глупец, какого ж ты прикатил в Стамбул в конце июля, в самое пекло? Лучше бы в Бодрум съездил… Я и сама задыхалась от жары: таких душных вечеров давно не было. Рабочий макияж медленно растекался, голова в парике взмокла… Он уже почти исчез из поля зрения, а мне вдруг захотелось побежать следом. Встать перед ним. Спросить, гордится ли он сестрой-проституткой, обслуживающей «черножопых»? Опозорить перед спутницей… Тушь потекла – от жары или от слез? Черт, плачу.

Вообще-то мы с детства грызлись. Разлад начинался с игрушек, продолжался дракой за телефон, скандалами из-за того, как он обращался с матерью. С подросткового возраста брат относился к маме пренебрежительно. Для него существовал авторитет одного отца – его идеализировал, ему поклонялся, им восхищался… Женя старше меня на два года. По словам бабушки, брат жутко взревновал, когда я родилась. Как младшую меня всячески баловали, позволяли то, что запрещалось Жене. Он сердился, срывал обиду на мне. Однажды столкнул меня, пятилетнюю, с дивана во время игры, и я сломала правую руку. Женю наказали и скоро на год отправили к бабушке на юго-запад. В школе мы тоже не общались. Даже друзья брата не знали, что Александра из «б» на две параллели младше – его сестра. Стыдился…

Выросли в одной семье врагами. Я заходила на кухню, когда Жени там не было. Женя смотрел телевизор, пока я гуляла с подружками во дворе. Жили на одной территории, но по разные стороны от стены непонимания. Если в подростковом возрасте мы чуть ли не ежечасно ругались, то, повзрослев, стали друг для друга ничем… Папа стоял на стороне сына в любой ситуации: «Он мужчина, ты – девушка. Ему лучше знать, как себя вести. У Жени более трезвый взгляд на жизнь. А ты летаешь в облаках, читаешь глупые романы, забиваешь голову чепухой. Лучше иди посуду вымой! Олеся устала за тобой прибирать!» Я с отцом не спорила и все больше отдалялась от них. Мама замечала натянутость в наших отношениях, волновалась, пыталась вызвать на откровенный разговор. Брат отмалчивался, опустив голову. Если отец был дома, моментально становился на защиту Жени: «Ладочка, ты мужика воспитываешь, а не девку. Что ты хочешь? Чтобы они вместе играли в куклы?! Или вязали перед телевизором?! Пойми, он – муж-чи-на»…

После смерти мамы отношения с отцом ухудшились. Доходило до рукопашной. Он вечно меня упрекал: слишком вызывающе одеваюсь, слишком поздно возвращаюсь… Когда отец сообщил о своем намерении снова жениться, я решила уйти из дому. Собиралась временно пожить в доме покойной бабули. Но отец ключей не дал: «Проваливай, куда хочешь…» Брат стоял рядом, ничего не говоря. Они были заодно. Одним целым. Через неделю я уехала из России…

На вопросы о родных отвечаю: «Погибли в автокатастрофе». Вычеркнула из памяти нашу московскую квартиру, ненавистных отца с братом, лицемерных родственников. Теперь я одна, сама за себя в ответе. Стамбул принимает такой, какая я есть.

Задаюсь вопросом: повезло ли мне в жизни? Следом за этим вопросом рождаются еще и еще десятки вопросов. Закуриваю четвертую сигарету, вновь возвращаясь к мыслям о настоящем. В настоящем не вижу никого кроме себя, Босфора, Дневника. Клиенты не в счет, как и толпы на улицах.

Я опасаюсь приближаться к людям.

…Появление брата в Стамбуле похоже на сон. Было или не было? Спешу в отель. Звонил Джемаль: ждут двое клиентов. Состоятельные арабы, отлично заплатили, за целую ночь. Мужчины и деньги – вот приметы моей реальности. В ней проще жить и легче дышать. О везении мы побеседуем с Аллахом на том свете. Если верить священному писанию, Аллах отвечает на самые безответные вопросы. Надеюсь, безвозмездно…

14

Для нас, проституток в чужой стране, самый страшный сон – оказаться за решеткой. В холодной турецкой hapishane[25 - Тюрьме (тур.).], где кормят баландой, не отапливают камеры, и от сырости разбухают вены. Вчера вычитала в «Хуррийете»[26 - H?rriyet – турецкая ежедневная газета.], что в «Кадын ве чоджук»[27 - Kadin ve ?ocuk – колония для женщин и детей в стамбульском районе Бакыркёй.] отбывают наказание около 50 русских женщин. Часть из них сидит за распространение наркоты, проституцию. И все они – за подделку виз. Закончится срок, будут депортированы из страны. Турция не встретила их с

распростертыми объятиями, напрасно тешили себя «восточной сказкой». Восток не всегда гостеприимен…

Проблемы сутенера зачастую становятся нашими проблемами. К примеру, замечаю, что у упрямца Джемаля возникли «денежные» препирательства с полисменами, и моментально подключаюсь к разговору. Отзываю сутенера в сторонку, предлагаю десять сотен: «Возьми, заткни им рты. Нам головная боль не нужна». Вынуждена отдавать из «копилки». Если Джемаль откажется платить полиции, ему, а значит, и мне несдобровать. А я не хочу коротать свои деньки в турецкой тюрьме. Хочу быть свободной: видеть Босфор, слушать чаек, покупать любимые жареные каштаны у уличного торговца… Полицейские в Стамбуле специально от сезона к сезону повышают сумму взятки. Своего рода «чистка»: отказывающихся платить арестуют и покажут по телевидению с анонсом: «Бдительные правоохранительные органы Стамбула обнаружили очередной очаг разврата». А тех, кто быковать не станет, оставят в покое на время.

…В июле 2003 года четырех русских проституток Зия арестовали за распространение наркотиков. Они периодически ширялись – подсели на кокаин «от сложной жизни». Однако продажей кокса девочки, уверена, не занимались: я знала двоих из них. Нату с Катей. Когда-то работали вместе в «русском Стамбуле» – Лалели[28 - Laleli – центральный район Стамбула, где чаще можно встретить русских.]. Девочки стали козлами отпущения: Зия, спасая свою шкуру, просто-напросто сдал их. Когда Светка сообщила об этом, я долго не могла прийти в себя. Два дня пила, впала в депрессию. Натка до сих пор находится в «Кадын ве чоджук», Катя умерла от туберкулеза на третьем месяце заключения. В Брянске осталась ее одинокая мать, диабетик в «инсулиновой» стадии. Она жила на деньги, посылаемые единственной дочерью.

Натка иногда звонит с «тюремного» мобильного, за соответствующую плату выдаваемого надзирателями. Минута разговора – 20 долларов. Эсэмэс – 5 долларов. Натка тараторит хриплым голосом: какая в Стамбуле погода? Правда ли, что в Босфор вернулись дельфины? Она, как и я, любит Стамбул. За две минуты разговора не спрашивает ни обо мне, ни о девочках, ни о чем еще. Натка мечтает снова увидеть Босфор. Просит меня выйти на балкон, чтобы она услышала крик чаек. Раз в три месяца позволяет себе послушать свободу. Две минуты свободы за 40 долларов. На прошлой неделе от Натки пришла эсэмэс: «Денег нет, позвонить не могу. У меня нашли туберкулез. Как у Кати. Я не умру. Я хочу жить. Сходи в церковь, помолись!»

После этих страшных историй с девочками у меня нет никакой уверенности в завтрашнем дне. Если когда-нибудь надо мной нависнет угроза «решетки», покончу с собой. Прячу под шелковой подкладкой в сумочке пузырек с уксусной эссенцией – в критической ситуации выпью и сгорю изнутри… Боюсь даже думать об этом. Не хочу умирать. За свободу я отдам все деньги – я не смогу жить без дыхания Босфора. Не смогу заснуть без колыбельной прибоя. Абсолютно за все надо платить, даже за засохший сыр в мышеловке.

…Джемаль учит Дашу читать Коран. Она четвертый год в Стамбуле. Семь месяцев проработала стриптизершей, в этом году приняла ислам: «Моя надежда теперь на Аллаха». Я подтруниваю над Дашей: «Неужели ты, проститутка, собираешься совершать намаз?» Обижается: «Чистота души важнее, чем чистота тела. Тело – временная физическая оболочка. В Судный день Аллах будет судить нас по намерениям». Джемаль уже привык к тому, что многие русские проститутки в Стамбуле приходят в ислам. Он сам когда-то совершал намаз. Второй год, как перестал: «Стыдно перед Всевышним…» Я тоже верю в Аллаха, но не верю, что ему нужен мой фальшивый намаз. Если Даше намаз чем-то помогает, то пусть молится: религия все-таки лучше, чем наркотики. Слава Аллаху, Дашка не пристрастилась к наркоте. Устояла, выбрав другое. Кстати, проституция – тоже своего рода религия. Только верить надо в себя и в сегодняшний день. Что будет завтра, все равно неизвестно…

15

…Я разливаю по кружкам кофе, добавляю для запаха коньяка, ложку ванильного сахара. Светка протягивает мне потрепанную пачку «Мальборо». Глаза блестят, кончик носа покраснел, ухмылка на сонном лице. «Не хочу». Она настаивает. «Свет, я на пустой желудок не курю». – «Кончай выпендриваться, я тебе курево не предлагаю, а кое-что покрепче». Открывает крышку сигаретной пачки. Высыпает на стол мелкие оранжеватые таблеточки с мультяшной рожицей Микки-Мауса в центре. Экстази. Света снова подсела на наркотик. Я злюсь: «Слушай, кончай глотать дрянь! Хочешь сдохнуть или в облаву попасть?» – «Эээээ… Хуже-то не будет». Берет одну таблетку, глотает. Пытается запить кофе. «Сдурела?! Кофеин с экстази мешать нельзя, сердце посадишь!»

Спустя полчаса Светка подрывается с дивана, несется в туалет. Ее тошнит. Явная передозировка: видимо, вчера ночью приняла много таблеток, еще сегодня повторила. Бегу на кухню, смешиваю с двумя литрами воды чайную ложку перца, полпачки йогурта, молотую гвоздику. Отлично средство от интоксикации. Света пить «настойку» отказывается – матерится, требует оставить в покое. Заставляю все-таки. Спустя час она засыпает…

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Отвяжись (тур.). (Здесь и далее примеч. авт.)

2

Мужчин (тур.).

3

Потрясающе было (тур.).

4

Полицейские (тур.).

5

Взятка (тур.). Рекламный

6

тур (тур.).

7

Мучительный вечер (тур.).

8

Турецкое блюдо из баклажанов.

9

Секс-бомбой (тур.).

10

От арабского «Господи, прости!», здесь – «Боже упаси!» (тур.).

11

Район Стамбула.

12

Один из символов Стамбула, историческая башня в европейской части в районе Галата.

13

«Фенербахче» и «Галатасарай» – ведущие футбольные клубы Турции.

14

Улица Независимости в центре Стамбула.

15

Сеть магазинов Стамбула.

16

Pinar – турецкая марка молочных продуктов.

17

?lker – известная продуктовая марка Турции.

18

Efes – турецкое пиво.

19

Dimes – марка турецких натуральных соков.

20

«Ах ты, шлюха русская… Еще раз посмеешь позвать к себе моего Октая, уничтожу тебя. Буду следить за тобой. Не забывай сказанного мною» (тур.).

21

«Мальчики, проучите как следует эту падшую женщину. Поспешите. Все равно ей гореть в аду. Да проклянет ее Аллах!» (тур.)

22

«Сестрица», «тетушка» при обращении (тур.).

23

Очистить наш мусульманский город от русских грешниц (тур.).

24

Королевой (тур.).

25

Тюрьме (тур.).

26

H?rriyet – турецкая ежедневная газета.

27

Kadin ve ?ocuk – колония для женщин и детей в стамбульском районе Бакыркёй.

28

Laleli – центральный район Стамбула, где чаще можно встретить русских.

Купить: https://tellnovel.com/elchin-safarli/tuda-bez-obratno-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити